

УДК 1:316 [070:004]

Клинкова Д.А., Фащенко А.Н.*Тверской государственной технической университет*

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛЕГИТИМАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье показано, как новые дискурсивные практики информационного общества в их сетевом, кодово-символическом и игровом формате могут порождать новые легитимные отношения или же, напротив, укреплять существующий институциональный порядок. Углублено понятие «сетевой дискурс», которое определяется как «специфическая форма коммуникации, выстраивающаяся на базе массмедийных технологий». Раскрыто его смысловое содержание и механизмы знакопорождения. Отмечена возможность негативного влияния высоких скоростей информационных потоков на процесс легитимации общественных связей в когнитивном и ценностно-нормативном измерениях. *Ключевые слова:* информационное общество, социальная легитимация, дискурс, сетевой дискурс, массмедийные коммуникации.

D. Klinkova, A. Fashchenko*Tver State Technical University*

THE DISCURSIVE FEATURES OF LEGITIMACY IMPLEMENTATION IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article shows how new discursive practices of the information society in their network, code-symbolic and game format can generate a new legitimate relationship or, on the contrary, strengthen the existing institutional order. It deepens the concept of «network discourse», as a specific form of communication built on the basis of mass media technologies, and reveals its semantic content and behavior mechanisms. The authors note the possibility of adverse effects of high speed information flows on the process of legitimization of public relations in cognitive and value-normative dimensions.

Key words: information society, social legitimization, discourse, network discourse, mass media communication.

Дискурсивное пространство информационного общества создаёт новые коммуникативные условия осуществления социальной легитимации. Традиционно процесс социальной легитимации понимается как добровольное признание институционального порядка в его когнитивном и ценностно-нормативном аспектах [2, с. 153; 7, с. 26]. Стремительное распространение современных массмедийных технологий делает необходимым осмысление специфики дискурсивного пространства информационного общества, на базе которого складывается новый коммуникативный механизм публичной, правовой и политической легитимации.

Современный *сетевой* тип информационного общества сопряжён с беспрецедентными скоростями потоков сообщений, которые порождают непровольный эффект «размывания» устойчивости знаний, ценностей и социальных норм. Когнитивные и ценностно-нормативные представления не успевают прочно отложиться в сознании индивида или группы, приобретают порой специфические формы, быстро устаревают или нивелируются под воздействием всё новых и новых фактов. В связи с этим особенно важной видится задача изучения особенностей осуществления легитимации, способствующей упорядочиванию ценностно-нормативной среды с её устойчивыми и легитимированными социальными отношениями.

Изучение природы коммуникативно-дискурсивного пространства информационного общества и его влияния на процесс формирования социальной легитимации находится в центре внимания представителей самых разных направлений социально-гуманитарного знания: философов, социологов, лингвистов, культурологов, политологов, психологов [2; 3; 4; 6; 9]. В исследовательской среде сложилось два ключевых подхода к рассмотрению природы социальной коммуникации и её легитимных оснований: структурно-функционалистский (Н. Луман и др.) и дискурсивно-коммуникативный (Ю. Хабермас и др.) [7]. Первый связан с рассмотрением социальной коммуникации в ракурсе системных механизмов, организующих взаимодействия акторов. Второй подход акцентирует «ориентацию на другого» в процессе постоянного конституи-

рования реальности социума как интерсубъективного жизненного мира.

Согласно воззрениям Ю. Хабермаса, рассмотрение современного общества в перспективе жизненного мира и социальной интеграции, определяемых системой значений, разделяемых субъектами, дополняется его анализом как системы, интеграция которой осуществляется через «дискурсивное волеизъявление» всех потенциальных участников, а также посредством функциональных связей, которые изначально не являлись результатом намерений действующих лиц. Коммуникативное действие координируется через акты взаимопонимания. Ю. Хабермас прямо определяет понятие *коммуникативного действия* как совокупность «актов взаимопонимания», которые способны связывать между собой планы действий различных участников и соединять их целенаправленные действия в «единую связную интеракцию». Процессы взаимопонимания нацелены на «достижение согласия», которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. Взаимопонимание, тем самым, характеризуется как «договаривание», как «практика достижения согласия». Если взаимопонимание является механизмом координации коммуникативного действия, то согласие – результатом обоюдного взаимопонимания. Трудно парировать утверждение Ю. Хабермаса о том, что согласие невозможно искусственно навязать другой стороне, что «к нему нельзя *обязать* соперника, манипулируя им: то, что явным образом производится путём внешнего воздействия, нельзя считать согласием» [11, с. 200].

Наделяя социальную коммуникацию свойством нравственного признания, немецкий философ считает, что согласие является идеальной моделью языковой коммуникации, поскольку оно результирует общие убеждения.

Установка Ю. Хабермаса на обязательное достижение согласия с рациональной точки зрения выглядит убедительной, но при этом не лишённой противоречий. Положительный коммуникативный успех наблюдается в том случае, когда все участники разговора (*акторы* – в терминологии Ю. Хабермаса) изначально настроены на обоюдное согласование своих целей и действий относительно «данной ситуации» и «ожидаемых последствий». Однако, если вопрос о необходимости достижения согласия находится «за скобками» разговора, т. е. о нём ещё только *предстоит договориться*, тогда переговоры могут зайти в тупик или вовсе прерваться. Повседневные и профессиональные представления отдельных индивидов, групп и целых сообществ отличаются такой многомерностью, что довольно трудно себе представить наличие постоянной внутренней настроенности всех коммуникантов на взаимное согласие.

В любом случае значимость установки Ю. Хабермаса на коммуникативный *консенсус* не теряет своей актуальности и сегодня. Мир, сопряжённый с конфронтацией, может и должен стремиться к согласию, достигнутому исключительно ненасильственным путём, с помощью аргументированного убеждения. Каждый участник социальной коммуникации должен быть готов к критике и самокритике, должен иметь равные дискурсивные возможности. Консенсус предполага-

ет не только признание одной стороной значимости суждения другой, но и компромисс, т. е. способность всех участников жертвовать частью своих собственных интересов ради принятия общего положительного решения.

Дискурсивные практики информационного общества предполагают необходимость овладения современным человеком множеством языковых кодов, властно регулирующих его «допуск» в публичные или специализированные информационные пространства. С одной стороны, разнообразные коммуникативные процессы значительно расширяют информационные возможности личности, которая в силу своих индивидуальных и коллективных потребностей формирует собственные коммуникативные стратегии, выбирает формы и каналы коммуникации, определяет партнёров по взаимодействию и, тем самым, накладывает свой отпечаток на условия формирования социальной легитимации. С другой стороны, огромный поток массмедийных сообщений, обрушивающийся повсеместно на индивида, усиливает опасность возникновения в его сознании информационной неопределённости.

В информационном обществе на базе социальной коммуникации происходит постоянная настройка связей между сферами научно-технических инноваций, экономики, политики, культуры и жизненным миром повседневности. Взаимопроникновение культур, переплетение прошлого, настоящего и будущего со стремительным развитием информационных, телекоммуникационных и компьютерных технологий формируют новый коммуникативно-дискурсивный ланд-

шафт, в пространстве которого и ставится проблема легитимации.

Чтобы стать легитимными, то есть принятыми и одобренными обществом, социальные отношения должны пройти, согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана «мучительный» путь типизации, хабиутализации, институциализации и легитимации. Полный цикл социального конструирования реальности включает эти способы в качестве последовательно пройденных ступеней. Роль легитимации состоит в том, чтобы сделать объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации «первого порядка». Когда скорость информационных потоков начинает «зашкаливать», возникает проблема потери смысла, и процесс легитимации получает сбой на стыке хабиутализации («опривычивания») и институциализации (складывания социального порядка). С одной стороны, легитимация не успевает «объяснять» институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям. С другой стороны, легитимация не успевает «оправдывать» институциональный порядок, придавая ценностно-нормативный характер практическим императивам. Иными словами, хаотично накапливая «знания», человек оказывается не готовым к следующему шагу – к определению «правильности» или «неправильности» своих действий в изменчивых условиях дискурсивного пространства [2, с. 168–169]. Отсутствие общественной поддержки, например, снижает эффективность реализации того или иного закона. Социальная легитимация может и не совпадать с существующим законом,

а также укоренять и закреплять некие устойчивые отношения, регулирование которых не предусмотрены государственным правом.

Информационное общество минимизирует временной ресурс установления социального порядка. Институциональные универсумы пребывают в динамичном, неокончательном виде, проникая в различные социальные сферы человеческой деятельности, стирая границы между ранее установленными отношениями. Нормы и ценности, ещё не успевшие сформироваться и закрепиться, снова и снова подвергаются корректировке. Это происходит в различных сферах человеческой деятельности: политике, праве, публичных отношениях. Язык вынужден реагировать на новые реалии человеческого бытия. Сегодня именно с помощью лингво-семиотических возможностей легитимация институционального порядка призвана сдерживать информационный хаос.

Есть класс проблем, законодательное регулирование которых практически невозможно. В этом случае упорядочивание отношений между социальными акторами перекладывается на социальную легитимацию. Речь идёт о теневых практиках, к которым относят коррупцию, негласные соглашения, неформальные договорённости и т. п. Это довольно большая часть социально-нормативных отношений, регулирование государством которых практически невозможно [4; 6].

Под *дискурсом* понимается сложное единство языковой формы, значения и действия, выраженное в коммуникативном событии или коммуникативном акте. Имея социальный контекст, дискурс включает в себя не только

текст (гипертекст), но и оказывается способным описывать самих участников коммуникации, а также весь процесс передачи и восприятия сообщения. В современных гуманитарных науках дискурс приобретает два основных смысла: в первом случае это обозначение методически дисциплинированной речи или высказывания по некоторой теме; во втором случае – обозначение языкового действия в рамках разговора или беседы [5]. В информационном обществе дискурсивное пространство по форме становится *сетевым*: как «живая» система, оно может сужаться, расширяться; его интенсивность может увеличиваться или уменьшаться; оно может быть временным и постоянным.

Сетевой дискурс (в разной терминологии – *виртуальный дискурс*, *интернет-дискурс*) вбирает в себя все известные дискурсы (повседневный, научный, профессиональный, политический, правовой и др.), имеет сложное строение, обладает особым механизмом знакопорождения. Это – открытое пространство, где каждый может высказать своё мнение, получить отклик на него и найти единомышленников. Интернет-дискурс позволяет сделать информацию доступной различным категориям пользователей в удобное для них время и в любом месте. Благодаря ему расширяются возможности накопления и переработки информации, возникают новые формы коммуникации. Например, ИТ-ресурсы современной образовательной среды имеют на сегодняшний день разнообразную форму: от интернет-каталогов (электронные научные библиотеки (например, elibrary.ru), **интернет-издания** о высоких технологиях (cnews.ru),

новости о компьютерной технике (ixbt.com), онлайн-издания, посвящённые компьютерным технологиям (3dnews.ru), энциклопедия информационных технологий (www.interface.ru)) – до электронных магазинов (www.it-shope.ru), виртуальных музеев (www.computer-museum.ru) и даже интернет-университетов информационных технологий (www.intuit.ru).

Коммуникация в информационном обществе происходит исключительно в рамках систем с обратной связью. Интернет отличается от традиционных СМИ одним важным обстоятельством – *интерактивными (диалогическими) текстовыми компонентами в режиме онлайн*. Пресса, радио и телевидение являют собой пример односторонней коммуникации в форме замкнутой информационной системы «источник – потребитель». Организаторы массмедийного вещания давно поняли главный недостаток такой коммуникации – *отсутствии референта*, который должен способствовать диалогу и критической остроте вещания. Чтобы минимизировать эту проблему, стали использовать интерактивные средства коммуникации. На смену традиционным «письмам» от зрителей пришли «живой» эфир, прямые дебаты, sms-голосование, дублирование информации на сайтах блогосферы и другие формы общения с потенциальным потребителем массмедийного продукта. Однако только Интернет с его сетевыми технологическими возможностями может считаться по-настоящему интерактивным, диалогическим средством общения, где элементы языкового свойства (знак и слово) служат значимой в процессе публичной ле-

гитимации коммуникативной воле, отражающей ценности, сложившиеся обычаи и убеждения [1; 8; 10].

Современные средства массовой информации, согласно Ж. Бодрийяру, основываются на симулякрах третьего порядка. Реальность проникает в представления современного человека в режиме прямой трансляции, обеспечиваемой радио-, телевидением и интернетом. В пространстве аудио- и визуальных образов меняющаяся виртуальная временная динамика массмедийных коммуникаций оказывается способной влиять на ритмику реальных социальных процессов, на деятельность по публичной легитимации общественных отношений, институтов.

Пользователь глобальной сети, реально существующий лишь в разного рода реакциях на его «сообщения», наверное, вправе рассматривать себя как систему связей, как *сеть*, зависимую от многих других сетей, непрерывно перерабатывающую информацию с целью постоянного обновления желаемой виртуальной идентичности. Такой «сетевой» человек в силу своих индивидуальных и коллективных потребностей формирует личные коммуникативные стратегии, выбирает формы и каналы коммуникации, определяет партнёров по взаимодействию. Знание множества языковых кодов помогает пользователю интернета формировать сложнейшую систему обратных связей, благодаря чему информация *вновь и вновь* возвращается в оборот «коллективного говорения» и, проходя через речевой акт множества участников, претерпевает длинную серию модификаций. Так формируется и действует механизм, превращающий

массмедийные средства информации и каналы их распространения в главный ценностно-нормативный ресурс коммуникации, непосредственно вовлечённый в дискурс публичной легитимации.

Современная дискурсивная ситуация заключается в том, что активно обсуждаемые в СМИ темы нередко приобретают большой общественный резонанс. Так, во многом благодаря «коллективному говорению» для России 2012 г. стала острой проблема легитимации выборов. Интенсивные дискуссии в интернете и массовые уличные митинги отразили противоречие между старыми выборными традициями «одного-из-одного» и новыми поведенческими ожиданиями граждан, ориентированных на «чистые» выборы. По схожим причинам публичной дискурсивной конфронтации в Бельгии после парламентских выборов 2010 г. наступил политический кризис. Из-за разногласий между франкофонами и фламандцами, широко транслируемых по всем каналам СМИ и интерфейсам, страна оказалась вынужденной жить без правительства рекордно долгое время – более 500 дней. В обоих приведённых примерах возобладали диалогические принципы коммуникации: в России под давлением обоюдного «говорения» на избирательных участках появились видеокамеры и электронное оборудование для обработки бюллетеней; в Бельгии после долгих публичных дебатов был сформирован новый состав кабинета министров и утверждён бюджет страны. Однако результатом коммуникативного взаимодействия, репрезентированного перформативными высказываниями, может оказаться и

коммуникативная неудача (конфликт или силовое воздействие).

Таким образом, коммуникативные стратегии информационного общества в их сетевом, кодово-символическом и игровом формате могут ставить под сомнение, расшатывать, разрушать или же, напротив, укреплять основания существующего иерархического институционального порядка, а также – через дискурсивные практики с их специфическим полем интересов – воздействовать на процесс формирования новых легитимных отношений.

Современный «сетевой» дискурс как специфическая форма коммуникации, выстраивающаяся на онлайн-платформе массмедийных средств информации и интернета, представляет собой относительно свободную площадку для «говoreния». Интернет-дискурс характеризуется неограниченным числом участников, самозарождающейся тематикой дискуссий и вариативностью аргументаций. Сетевое дискурсивное пространство имеет интенциональный характер в том смысле, что оно демонстрирует виртуализированные притязания на значимость и одобрение и, тем самым, оказывается способным формировать платформу для публичной легитимации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бекбаева Н.Р., Михайлова Е.Е., Фащенко А.Н. Интернет-коммуникации: социально-этический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 2 (21). С. 5–17.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 536 с.
4. Дёмина Л.А. Мораль, право и международный правопорядок в теории дискурса Юргена Хабермаса // История государства и права. 2014. № 6. С. 20–26.
5. Касавин И.Т. Дискурс-анализ как метод исследования сознания // Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского. М.: Канон, 2009. С. 242–249.
6. Климова Д.А. Формирование представлений студенческой молодёжи о правовой легитимности в информационном обществе // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 159–165.
7. Козлов С.В. О концептуальном анализе понятия «легитимность» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2014. №1. С. 26–34.
8. Михайлова Е.Е., Климова Д.А. Лингво-семиотический аппарат и властные функции Интернет-коммуникаций // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Вып. 4 (36). С. 33–44.
9. Рубцова Н.Е. Структура психологического пространства профессионального труда в современной России // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2014. №1 (68). С. 29–32.
10. Фащенко А.Н. Конституирование мира личности: информационно-аксиологический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 2. С. 21–24.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. 2-е изд. СПб.: Наука, 2006. 380 с.